

ПРОБЛЕМА БРАКА У ДОСТОЕВСКОГО И ЧЕХОВА:
ПОВЕСТИ КРОТКАЯ И ЖЕНА*Надежда Натова*

Проблема брака занимает большое место в этике и в произведениях писателей 19-го века. Пожалуй, никто из русских писателей не уделял проблеме брака так много внимания в своих размышлениях и художественных произведениях как Лев Толстой. Обычно проблема брака в литературе сразу вызывает в памяти читателя *Семейное счастье*, *Войну и мир*, *Анну Каренину*, *Крейцерову сонату*. Вспоминается также знаменитая фраза: “Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему”. Но тема брака как союза двух людей, заключенного на долгое время, занимает большое место в произведениях Достоевского и Чехова, а также в их высказываниях о браке и его влиянии на партнеров.

В *Семинарии по А. П. Чехову* Бориса Ивановича Александрова творчество Чехова рассматривалось в связи с творчеством Тургенева, Толстого, Короленко, Гаршина и Горького. Александров не уделил места связи Достоевского и Чехова, но указал, что тема “Чехов и Достоевский” “ждет исследования” (1964: 48). Действительно, в последнее двадцатилетие появилось несколько работ, авторы которых сопоставляют творчество Чехова и Достоевского, анализируя сходства и различия.

Одной из первых следует назвать обширную статью Эммы Артемьевны Полоцкой “Неловек в художественном мире Достоевского и Чехова” (1971: 184-245). Затем этой темой занялась М. Я. Ермакова, анализируя “Легенду Великого Инквизитора” Достоевского и рассказ Чехова “Студент”.

Валентина Чеботарева Билл и Георгий Петрович Бердников дают в своих статьях также ценный и детальный анализ

книги Чехова *Остров Сахалин*, сопоставляя ее с *Записками из Мертвого дома* Достоевского. Отметим, однако, что при всем обилии сопоставляемого материала, ни в одной нам известной работе нет сопоставления повести Чехова *Жена* с повестью Достоевского *Кроткая*, что невольно приходит на ум при чтении обоих произведений. Задача данной статьи — привести некоторые высказывания Достоевского и Чехова о браке и проследить, как эта проблема поставлена в произведениях обоих писателей, главным образом в *Кроткой* и *Жене*.

Для Достоевского брак был единственным счастьем в личной жизни. В письме к брату Михаилу от 22 декабря 1841 года по поводу его женитьбы на Эмилии Федоровне и их тяжелого финансового положения, Федор Михайлович пишет, что ему невыносимо грустно из-за того, что финансовые заботы портят брату ту минуту, “когда расцветают все надежды наши и желания наши, когда счастье прививается к сердцу, и сердце полно блажеством...” (28-1: 78).¹ Напомним, что с юных лет Федор Достоевский мог наблюдать брак своих родителей — безропотное подчинение кроткой матери властному отцу, тяжелый характер которого наложил отпечаток на жизнь всей семьи. Известно посредничество Федора Михайловича в неудачном браке его друзей — доктора Степана Дмитриевича Яновского с артисткой Александрой Шуберт. Достоевский считал тиранством намерение Яновского принудить жену жить с ним “согласно закону”, и писал ей 12 июня 1860 г.: “Вам не житье вместе, а мука” (28-2: 14). Знал он также историю отношений красавицы Авдотьи Панаевой с Н. А. Некрасовым.

В Сибири Достоевский был свидетелем несчастного брака Марьи Дмитриевны с пьющим, жалким Александром Исаевым. Брак Достоевского с овдовевшей Марьей Дмитриевной, которого он так желал, превратился в 1864 году в каждодневную муку из-за тяжелого состояния здоровья Марьи Дмитриевны

¹ Все цитаты Достоевского в этой статье взяты из издания: *Полное собрание сочинений в 30-ти томах*. Ленинград, Наука, 1972-1992; том и страницы указаны в скобках.

и ее раздражительности. Об этом говорят его письма к сестре жены Варваре Дмитриевне Констант и брату Михаилу. 2-го апреля 1864 г. Достоевский пишет брату: “Мучения мои *всяческие* теперь так тяжелы, что я и упоминать не хочу о них...” (28-2: 75).

Несмотря на все страдания, пережитые с Марьей Дмитриевной, Достоевский не меняет своего мнения, что только брак может принести человеку счастье. В письме к своему старому другу барону Александру Егоровичу Врангелю в феврале 1866 г. Достоевский кланяется его супруге и пишет: “Добрый друг мой, Вы по крайней мере счастливы в семействе, а мне отказала судьба в этом великом и *единственном* человеческом счастье...” (28-2: 152). В том же 1866 г., во время работы над романом *Игрок* со стенографисткой Анной Григорьевной Сниткиной, Достоевский сказал ей, что он мечтает начать новую, счастливую жизнь и спросил ее, какую же жену ему выбрать: умную или добрую? Она ответила: — Конечно, умную. — Ну нет, если уж выбирать, то возьму добрую, чтоб меня жалела и любила (Достоевская 1981: 76).

Разговор этот привел вскоре Федора Михайловича к женитьбе на Анне Григорьевне. Она оказалась и доброй и умной и стала его другом и опорой, его “ангелом-хранителем” до конца его жизни. Письмо к жене из Бад Эмса от 20 июня-1 августа 1874 г. Достоевский заканчивает словами: “До свиданья, бесценный друг мой. Ты одна в моей душе и в моих мечтах” (29-1: 360). Счастье в браке — мечта, которая многие годы казалась недостижимой, была осуществлена в личной жизни писателя. Но картины брака в художественных произведениях Достоевского представляют резкий контраст с его взглядами и его личным опытом последнего десятилетия его жизни.

Во многих произведениях Достоевского дана тяжелая картина насильного подчинения одного человека другому под видом брака. Уже в первом произведении (*Бедные люди*, 1846) брак Вареньки с богатым помещиком Быковым показан как несчастье, конец ее жизни: тоска, одиночество и подчинение властному мужу скоро сведут ее в могилу. Сожительство Катерины с Муриным — это безжалостное порабощение старым властным человеком слабой женщины посредством мучения ее мистическим террором (*Хозяйка*, 1847). Подобный же случай тирании мужем невинной женщины, Александры

Михайловны, описан Неточкой Незвановой, которая уже в раннем детстве ежедневно была свидетельницей вражды между ее матерью и отчимом, скрипачом Ефимовым (*Неточка Незванова*, 1849). В повести *Дядюшкин сон* (1859) показан ужас повседневного унижения одного из супругов другим, нарисована картина “домашнего ада”, в котором супруга-деспот Марья Александровна Москалева грубо и жестоко издевается над своим мужем. Брак Свидригайлова с Марфой Петровной оказался грубым фарсом (*Преступление и наказание*, 1866), который повторил Федор Павлович Карамазов со своей первой супругой Аделаидой Ивановной. Его второй брак быстро превратился в глумление развратного деспота над кроткой Софьей Ивановной (*Братья Карамазовы*, 1880).

В романе *Бесы* (1871-72) брак богатой наследницы Варвары Петровны с генераллейтенантом Ставрогиным не был счастливым: “по несходству характеров” супруги жили четыре года — вплоть до внезапной кончины генерала — “в совершенной разлуке”. Степан Трофимович Верховенский, который был в молодости женат два раза, пришел в ужас от неожиданной идеи Варвары Петровны Ставрогиной женить его на ее воспитаннице Даше. Он говорит своему молодому другу-“конфиденту” Антону Лаврентьевичу:

О друг мой, брак — это нравственная смерть всякой гордой души, всякой независимости. Брачная жизнь развратит меня, отнимет энергию, мужество в служении делу... (10: 100).

И наконец, в повести *Кроткая* (1876) брак превращается в утонченную нравственную тиранию упоенного своей гордостью мужа, поставившего своего целью полное духовное порабощение беззащитной молодой женщины.

Антон Павлович Чехов был противником брака; он считал, что брак не приносит ничего, кроме разочарования и сожаления о потерянной свободе. В *Записных книжках* Чехова имеется несколько записей, свидетельствующих о его отрицательном отношении к браку: “Я заметил что, женившись, перестают быть любопытными”. Далее: “Женятся, потому что обоим деваться некуда”. “Росле того; как он женился, все — политика, литература, общество — не казались ему интересными; как раньше...” (Паперный 1976: 374).

Характерно также письмо Лике Мизиновой (28 июня 1892 г. из Мелихова), где, хотя и в шуточной форме, проступает нежелание Чехова связывать себя обязательством брака:

Благородная; порядочная Лика! Как только Вы написали мне, что мои письма ни к чему меня не обязывают, я легко вздохнул, и вот пишу Вам теперь длинное письмо без страха, что какая-нибудь тетушка, увидев эти строки, женит меня на таком чудовище, как Вы...

Далее Чехов пишет, что он “не будет служить помехой” поклонникам Лики:

Мы, Чеховы, в противоположность им, Балласам, не мешаем молодым девушкам жить. Это наш принцип. Итак, Вы свободны (Чехов 1960-1964: 11, 557).

Иван Алексеевич Бунин, выписывая для своей книги о Чехове некоторые высказывания Игнатия Николаевича Потапенко из его воспоминаний “Несколько лет с А. П. Чеховым”, обратил внимание на следующие замечания Потапенко о “Чехове-человеке”:

Испытывая постоянную потребность в нежности/он до самых последних лет был лишен личной жизни. Он думал, что она отнимет у него, как у художника, слишком много внимания и сил. И когда, наконец, он позволил себе эту роскошь, вот какими словами он определил свое состояние: “Ты спрашиваешь, правда ли, что я женился? Это правда, но в наши годы это уже ничего не меняет” (Бунин 1955: 388).

Бунин соглашался с мнением Потапенка, что “большое личное благо” Чехов допустил к себе слишком поздно (Чехов женился в 1901 г.). Но Бунин считал, что при его развивающейся смертельной болезни женитьба Чехова на Ольге Леонардовне была “медленным самоубийством:...частые разлуки, вечное волнение уже за двоих...” (Бунин 1955: 131).

Взгляды Чехова на брак нашли отражение в его художественных произведениях, в которых нет счастливых союзов двух людей. Тема брака, принесшего разочарование, страдание, боль или, в лучшем случае, равнодушную привычку к рутине встречается во многих произведениях Чехова. Так в *Скудной истории* (1889) духовный кризис профессора Николая Степановича усилен его разочарованием в жене. Дмитрий Дмитриевич Гуров страдает от трудности встреч с Ан-

ной Сергеевной и в своей “явной жизни” равнодушно следует внешнему рутинному порядку отношений со своей женой (*Дама с собачкой*, 1899).

Некоторые персонажи повестей и рассказов Чехова после нескольких лет, а иногда даже месяцев брака испытывают не только чувство отчужденности, но даже отвращения к жене. В рассказе *Учитель словесности* (1889-1894) Сергей Васильевич Никитин, мечтавший о браке, как о земном рае, не может смотреть без отвращения на Манюсю, которой он был всего лишь год назад очарован. Николай Лаевский (*Дуэль*, 1891) часто смотрит с раздражением на свою “гражданскую жену” Надежду Федоровну после нескольких лет сожителства с нею. Петербургский богатый чиновник Георгий Иванович Орлов, убежденный противник брака и семейной жизни, стал тяготиться присутствием Зинаиды Федоровны сразу же после ее неожиданного переезда к нему (*Рассказ неизвестного человека*, 1893). Московский купец Алексей Лаптев теряет свою любовь к Юлии и смотрит на нее равнодушно именно в тот момент, когда, после трех лет брака, ее презрение и ненависть к нему уступают место дружелюбию (*Три года*, 1895). Брак Андрея Коврина с Таней окончился взаимной ненавистью (*Черный монах*, 1894).

Не приносит брак счастья и персонажам чеховских пьес: источником обид и страдания стал брак учителя Медведенко с Машей Шамраевой; не нашла удовлетворения в браке и ее мать Полина Андреевна (*Чайка*, 1895). Свою женитьбу на Сарре Николай Иванов считает неудачной, одной из своих многих ошибок (*Иванов*, 1888). Несчастлива Маша Прозорова в браке с Кулыгиным; еще более несчастен ее брат Андрей со своей женой Наташей (*Три сестры*, 1901).

В центре многих произведений Чехова — измена жены мужу: брак разрушается из-за недостойного поведения женщины-супруги, причиняющей страдания своему мужу. В других произведениях брак распадается из-за неудовлетворенной потребности женщины найти настоящую, подлинную любовь. История брака “попрыгуньи” Ольги Ивановны с презираемым ею талантливым врачом Осипом Степановичем Дымовым, которому она изменяла почти открыто, заканчивается непоправимым несчастьем (*Попрыгунья*, 1892). Семилетний брак хирурга Николая Евграфовича оказался обманом, рабством, в котором его держала жена, Ольга Дмитриевна, “нич-

тожное, продажное, низкое создание”, изменявшее ему с каким-то “Мишелем” (*Супруга*, 1895). Брак Красновских разорван из-за измены Зинаиды Федоровны и ее уходом к Орлову, ее любовнику (*Рассказ неизвестного человека*) Разрушен брак Мисаила Полознева с Машей Должиковой, по-другому представлявшей себе любовь и семейную жизнь (*Моя жизнь*, 1896). Превратился в фарс брак Ани с Модестом Алексеевичем, которого она безжалостно оскорбляла и унижала (*Анна на шее*, 1895).

Повесть *Жена* написана (в 1892 г.) в иной тональности: она отличается от всех названных выше произведений тем, что брак инженера Асорина с Натальей Гавриловной разрушился из-за характера и поведения мужа, причинявшего боль и страдания своей жене.

В соответствии с установившейся традицией сопоставления творчества Чехова преимущественно с творчеством Льва Толстого, для чеховеда Владимира Борисовича Катаева Лев Толстой — главный писатель, с кем он соотносит творчество Чехова. По мнению В. Б. Катаева, Асорин “во многом существенно напоминает образ толстовского Каренина”. Катаев также видит в повести *Жена* отражение идеи Толстого, выраженной в *Крейцеровой сонате*:

... весь материал повести выражает согласие с Толстым: современная семейная жизнь – ад, который создается постоянными ссорами, возрастающей взаимной ненавистью супругов (Катаев 1989: 74-75).

Признавая справедливость замечания В. Б. Катаева, отметим, однако, что внимательное чтение повести *Жена* вызывает скорее сравнение с повестью Достоевского *Кроткая*. Обратим внимание на высказывание Э. А. Полоцкой в ее тщательном сопоставлении формы, жанра и идейной содержательности произведений Достоевского и Чехова:

Замечательно, что к концу жизни Достоевский создал произведение, предвосхитившее чеховскую постепенность в изображении духовной драмы героя. Мы имеем в виду рассказ *Кроткая...* (Полоцкая 1971: 230-232).

Полоцкая посвящает несколько страниц анализу *Кроткой*, но не упоминает в связи с ней повести Чехова *Жена*. По нашему мнению, сходство морального облика главных персонажей, их психологической настроенности, мнения о себе и

других, а также мотивировки поведения оправдывают данный ниже сопоставительный анализ повести Чехова *Жена* с повестью Достоевского *Кроткая*.

Сопоставление этих двух повестей можно также объяснить и сходством их художественной формы. В предисловии к *Кроткой* Достоевский объясняет, почему он дал своему произведению подзаголовок “фантастический рассказ”. Достоевский предупреждает читателя, что это “в высшей степени” реальный рассказ, но форма его – “фантастическая”, потому что “подслушан” и записан внутренний разговор мужа, у которого жена несколько часов перед тем выбросилась из окошка и лежит теперь тут же, на столе. Он ходит по своим двум комнатам, пытаясь “уяснить” себе случившееся и узнать истину – кто же виноват? И “для чего, зачем умерла эта женщина?” (24: 5). Он вспоминает все подробности с начала своей встречи с девушкой, ставшей его женой и, через год замужества, покончившей жизнь самоубийством.

Он, “закоренелый ипохондрик, из тех, что говорят сами с собою” (24: 5), знает, что виноват он, но не желает признать правду и проходит через многие стадии самовосхваления и самобичевания. Он обвиняет ее “она виновата, она виновата!” (24: 17), своих невидимых слушателей, суда которых он не принимает, обстоятельства своей службы в полку и, наконец, обвиняет всех людей и космическую природу, где и солнце мертво.² Но все же правда постепенно открывается ему и он пытается “собрать свои мысли в точку”. И он всю ночь ходит по опустевшим комнатам: “Я все хожу и хочу себе уяснить это... Дело в том, что я все хожу, хожу, хожу...” (24: 6).

Подобно закладчику Достоевского, чеховский персонаж Павел Андреевич Асорин хочет отдать себе отчет, что же с ним произошло и почему он вдруг стал ощущать себя совсем другим человеком, чем тот, который получил анонимное письмо. Асорин восстанавливает события последних дней в их последовательности. Это не воспоминания и не рассказ: Асорин как бы мысленно пишет полу-дневник, полу-записки о своих отношениях с женой в связи с этим письмом о голоде в уезде. Заметим, что повести, написанные Чеховым от

² См. ценную статью Лайсы Кнапп об инерции и образе мертвого солнца (Кнапп 1985: 143–156).

первого лица, обычно имеют подзаголовки: например, *Скучная история* (1889) – “Из записок старого человека”; *Дом с мезонином* (1896) – “Рассказ художника”. Повесть *Жена* не имеет никакого указания на форму раздумий Асорина.

Автор анонимного письма сообщал, что мужики в деревне Пестрове погибают от голода. Указанные в письме факты о голоде 1891-92-го годов соответствуют действительности, которую Чехов хорошо знал, так как сам принимал активное участие в организации помощи голодающим крестьянам в Нижегородской и Воронежской губерниях. Автор письма призывал Асорина показать свою гуманность и помочь голодающим крестьянам, деревню которых он мог видеть из окон своего богатого дома. Прочитав письмо, Асорин ощутил какое-то странное беспокойство, много раз вставал из-за своего письменного стола и, подобно закладчику, “начинал ходить по большим комнатам своего пустынного деревенского дома” (Чехов 1960-64: 7, 6).³ Внезапное беспокойство мешало ему сосредоточиться и продолжать работу над “Историей железных дорог”. Разговаривая мысленно с самим собой, Асорин замечает:

...я не знал, что это такое, и хотел думать, что это разочарование. В самом деле, оставил я службу по министерству путей сообщения и приехал сюда в деревню, чтобы жить в покое и заниматься литературой по общественным вопросам. Это была моя давнишняя, заветная мечта. А теперь нужно было проститься и с покоем и с литературой, оставить все и заняться одними только мужиками (7: 6-7).

Павел Андреевич Асорин — инженер, строитель мостов и железных дорог, камер-юнкер, коллежский советник и богатый помещик. Он живет в своем имении, в условиях, о которых закладчик Достоевского мечтал как о земном рае. Асорин пишет “Историю железных дорог” и может делать это в полном покое. Семь лет тому назад он женился на девушке, которую любил. Их совместная жизнь могла бы быть “прекра-

³ Все цитаты Чехова в тексте статьи взяты из издания: *Собрание сочинений в 12-ти томах*. Москва, Художественная литература, 1960-1964. Том и страницы указаны в скобках.

сней, завидной жизнью” (7: 34),⁴ как сказала его жена во время их решительного объяснения. Но вышло иначе. Они, как определил Асорин, “не сошлись характером” и поэтому жили теперь в разных этажах большого помещичьего дома Асориных и последние два года не общались друг с другом. Даже мечта о прекрасной совместной жизни стала невозможной.

Закладчик Достоевского, после вынужденного ухода из полка и нескольких лет нищенства, неожиданно получил три тысячи в наследство от своей крестной матери и открыл кассу ссуд. План его был скопить “тридцать тысяч в три года”, поэтому он жил очень экономно. Эти 30 тысяч нужны были ему как его ответ и месть обществу, людям, которые его — “великодушнейшего и благороднейшего из людей” — обвинили в трусости за то, что он не вызвал на дуэль офицера другого полка за высказывание, не имевшее к нему никакого отношения. Сам же он, в то время офицер блестящего полка, считает, что он — мужественный человек: тогда он имел мужество пойти против всех своих однополчан, защищая свое мнение и свое понятие о честности. Однако, нарушив принятые в офицерских кругах нормы поведения, он стал жертвой несправедливости. Исключенный из полка офицер замкнулся в себе, отъединился от людей и, открыв кассу ссуд, мечтал реабилитировать свою честь и начать затем новую, прекрасную жизнь: он мечтал сказать своим врагам:

Вы отвергли меня, вы, люди то есть, вы прогнали меня с презрительным молчанием. На мой страстный порыв к вам вы ответили мне обидой на всю мою жизнь. Теперь я, стало быть, вправе был оградиться от вас стеной, собрать эти тридцать тысяч рублей и окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках, в своем имении, купленном на эти тридцать тысяч, а главное, вдали от всех вас, но без злобы на вас, с идеалом в душе, с любимой у сердца женщиной, с семьей, если Бог пошлет, и — помогая окрестным поселянам (7:16).

Этот план мотивировал женитьбу закладчика-офицера в отставке на скромной, непорочной 16-летней девушке, *Кроткой*, из которой он надеялся сделать себе верного друга, обожающего его и полностью подчиненного его воле. Разви-

⁴ См. Натова 1985: 25-53.

вая свой план морального порабощения своей молодой жены, закладчик несколько раз говорит, что он ее все время любил, несмотря на введенную им систему “строгости” и гордого молчания. Когда разразилась катастрофа, закладчик понял, что он действительно любит Кроткую; ей, уже мертвой, он говорит:

Не знаешь ты, каким бы раем я оградил тебя. Рай был у меня в душе, я бы насадил его кругом тебя! (7: 35).

Но мечта о рае и прекрасной “новой жизни” обернулась трагедией. Непрерывно ходя по комнатам около лежащей на столе Кроткой, закладчик ищет, в чем же была его “ошибка” и старается припомнить каждую черточку, каждую деталь. Его мысль ретроспективно восстанавливает все происшедшее с момента прихода Кроткой с закладом в его кассу ссуд. Весь процесс восстановления полуторагодовых событий занимает 10-12 часов, но настоящая причина его “ошибки” так и не была осознана.

Помимо формы размышлений и внутреннего монолога обоих персонажей, много сходных черт в их характерах выявляется при сопоставлении поведения закладчика и Асорина, их отношения к себе и другим людям. Главное сходство — презрение к другим и довольство собою и своими поступками. При этом оба сознают, что их не любят другие люди.

Закладчик Достоевского знал, что у него “тяжелый характер”, за что его не любили товарищи по полку. Судя себя после самоубийства Кроткой, закладчик говорит: “О, меня не любили никогда даже в школе. Меня всегда и везде не любили. Меня и Лукерья не может любить” (24: 23). Но он требовал к себе безоговорочного уважения.

В кризисный момент своей жизни, наступивший после получения им анонимного письма, чеховский персонаж инженер Асорин понял, что его не любили все окружающие — ни соседи по поместьям, с которыми, как и с крестьянами, он постоянно судился, ни начальник станции, на которого он два раза жаловался железно-дорожному начальству, ни его кучер Никанор, ни другие слуги в доме. Все были довольны, когда Павел Андреевич решил уехать в Петербург по просьбе своей жены. И только проезжая через деревню Пестрово, Па-

вел Андреевич начал понимать, что он никому ненужный, дурной человек и никто не нуждается в его помощи голодающим: “.. меня победили, выбросили, и я спешу на станцию, чтобы уехать и спрятаться в Петербурге, в отеле на Большой Морской” (7: 37). Решив не уезжать, Асорин знал, что его возвращение будет всем неприятно:

Возвращаться домой, где все так радовались моему отъезду, при дневном свете было неловко. Остаток дня до вечера можно было провести у кого-нибудь из соседей. Но у кого? С одними я в натянутых отношениях, с другими незнаком вовсе (7: 38).

Асорин вспомнил об Иване Ивановиче Брагине, старом друге его родителей, которого он только два дня тому назад пригласил к себе для организации помощи голодающим. Но Иван Иванович отказался — уже с осени он, доктор Соболев, земское начальство и окрестные помещики организовали эту помощь, по инициативе жены Асорина, Натальи Гавриловны. Иван Иванович видел, что намерение Асорина помогать голодающим было неискренним, так как только что, по его требованию, следователь бросился обыскивать избы мужиков, чтобы найти тех, кто вытащил несколько кулей ржи из амбара Асорина. Иван Иванович сказал ему: “Павел Андреевич, скажу я вам по-дружески: перемените ваш характер! Тяжело с вами! Голубчик, тяжело!” и посоветовал ему уехать в Петербург или за границу (7: 17). Асорин пока принял эти слова Ивана Ивановича как смешную выходку старого, опустившегося чудака. Но через день он задумается над смыслом этих слов и оценит их по-иному.

После получения анонимного письма об отчаянной нужде голодающих крестьян, Асорин решил начать действовать: его высокомерие, чистолюбие и презрение к людям привело его к убеждению, что, кроме него, “в этом уезде положительно некому было помочь голодающими” (7: 7). Он считал, что все окружающие его, “люди необразованные, неразвитые, равнодушные, в громадном большинстве нечестные или же честные, но взбалмошные и несерьезные”, как, например, его жена. Он был уверен, что ни на кого нельзя было положиться, так как это люди “без определенных принципов”, без идеи и без идеалов и “весь смысл их жизни зиждется на рубле” (7: 7, 35). Он подумал пригласить к себе соседей помещиков и организовать у него в доме что-нибудь вроде комитета или

центра. Но мысль о том, что эта “пестрая уездная компания” внесет в его дом шум и дурной тон и нарушит его покой, заставила его отказаться от этого проекта. Людское горе Асорина не трогало; он неоднократно видел “каких-то мужиков”, которые приходили в людскую и становились на колени. Но, как и закладчик Достоевского, Павел Андреич Асорин равнодушно смотрел на бедняков, приходивших к нему в дом в поисках помощи. Закладчик, считавший всех людей врагами, так же, как Асорин, не сочувствовал беде других: никому из приходивших к нему с закладами нуждающихся людей он не делал поблажек. Кроткая была единственной закладчицей, которой он предложил больше стоимости иконы, принесенной ею в заклад.

Оба персонажа – закладчик и Асорин – относились к женщинам свысока, но они не сознавали, что их поведение по отношению к их женам есть духовное насилие над близким им человеком: оба убеждены в своем превосходстве и в своем праве так поступать.

По мнению закладчика, “в женщинах нет оригинальности”: и он развивает свою теорию перед своими незримиыми “слушателями”:

Позвольте-с: я знал, что женщина, да еще шестнадцати лет, не может не подчиниться мужчине вполне... А женщина любящая, о, женщина любящая – даже пороки, даже злодейства любимого существа обоготворит... (24: 15-16).

С самого начала знакомства с девушкой, приносившей ему дешевые заклады, закладчик задумал на ней жениться и считал себя стоящим выше нее и оказывающим ей благодеяние”:

И главное, я тогда смотрел уже на нее как на мою и не сомневался в моем могуществе. Знаете, пресладострастная это мысль, когда уж не сомневаешься-то (24: 10).

Закладчик не перестает наслаждаться своим торжеством над бедной девушкой.⁵ Приняв в заклад ее янтарный мунд-

⁵ См. статью Джексона 1981: он видит в отношении закладчика к *Кроткой* проявление его полусознанного инстинкта хищника: “His plans shape up in-

штук, он сказал ей: “Я ведь это только для вас, а такую вещь у вас Мозер не примет”. Видя, что он “уколот” ее, закладчик вдруг спросил себя: “...так неужели же это торжество над ней стоит двух рублей?” И тут же решил, что стоит и “очень развеселился” (24: 7). Он испытывал садистическое удовольствие каждый раз, когда, как ему казалось, он унижал Кроткую: даже в разнице в возрасте (ему – 41, ей – 16) его “пленяло ощущение неравенства” и он находил это “сладостным” (24: 13).

Закладчик также был доволен собою, когда, вызвав Кроткую к воротам, сделал ей предложение: “Я собою остался доволен. И вообще я весь тот день был ужасно доволен” (24: 11). Он добавляет: “Я и после вспоминал про то с наслаждением, хоть это и глупо...”. Решив говорить все о себе – *pro i contra* – он замечает: “Все это сказано было с особенного рода гордостью, – известно, как это говорится” и восторгался своим благородством и изысканным тоном.

Еще до свадьбы закладчик объяснил своей будущей жене, что она будет помогать ему в работе – “займется приемом закладов и выдачей денег”. Кроткая принялась за дело даже с усердием. Но когда она решила по-своему оценивать вещи и несколько раз выдала бедным вдовам-закладчицам сумму выше стоимости вещи, закладчик немедленно отстранил ее от участия в его делах с ссудной кассой. Кроме того, он “кротко, но твердо и резонно” объявил, “что деньги мои, что я имею право смотреть на жизнь *моими* глазами...” (24: 17). Это вызвало “бунт” Кроткой, затеявшей, чтобы отомстить мужу, свидание с офицером Ефимовичем. Будучи тайным свидетелем этого свидания, превратившегося в поединок “женщины благороднейшей и возвышенной с светской развратной, тупой тварью”, по выражению закладчика, он вверг свою жену в искушение, положив перед ней револьвер, по возвращении домой. Кроткая выдержала испытание, но тяжело заболела.

После ее выздоровления, закладчик “быстро и очень успокоился”:

Мало того, я решил отложить наше будущее как можно на долгое время, а оставить пока все в настоящем виде. Да, тогда случилось со мной нечто странное и особенное, иначе

sidiously out of half-conscious predatory instincts. Evil in him takes the shape of a sensual craving for possession and power over another human being... ” (p. 240).

не умею назвать: я восторжествовал, и одного сознания о том оказалось совершенно для меня довольно. Вот так и прошла вся зима. О, я был доволен, как никогда не бывал, и это всю зиму (24: 23).

Упиваясь своим могуществом, подобно пушкинскому скупому рыцарю, закладчик был уверен, что Кроткая нравственно была уже полностью подчинена его воле:

...в моих глазах она была так побеждена, была так унижена, так раздавлена, что я мучительно жалел ее иногда, хотя мне при всем этом решительно нравилась иногда идея об ее унижении. Идея этого неравенства нашего нравилась (24: 25).

Закладчик продолжал проводить свою “систему строгости” и почти полного горделивого молчания, надеясь, что Кроткая *сама поймет* все и признает его великодушие и благородство. Позже, когда уже ничего нельзя было поправить, он понял, что причиной его довольства собою была его “бесовская гордость”.

Подобное же чувство превосходства и довольства собою испытывал и чеховский персонаж Павел Андреевич Асорин. Он также ставил себя выше жены, которую он считал “взбалмошной”, неопытной, наивной, не способной к серьезному делу. Узнав о созданном ею комитете для помощи голодающим крестьянам, Асорин отобрал все ее ведомости и записи о пожертвованиях, требуя “довериться вполне его опыту и порядочности” (7: 28).

Несмотря на отчаяние и слезы Натальи Гавриловны, Асорин с садистическим удовольствием поучал ее *как надо вести дела* и как нельзя доверять окружающим людям. Убедившись однако, что его участие в ее комитете никому не нужно, он запретил ей устраивать собрания комитета в его доме:

... Убедительно прошу, чтобы этих сборищ, заговоров и конспиративных квартир у меня в доме больше не было! В свой дом я пускаю только тех, с кем я знаком, а эта вся ваша сволочь, если ей угодно заниматься филантропией, пусть ищет себе другое место... (7: 25).

Асорин женился на Наталье Гавриловне, когда ему было 39 лет, а ей – 20. Она была из малосостоятельной семьи и Асорину, через семь лет брака, доставляло удовольствие мысль, что все зависят материально от него:

Моя гордая, самолюбивая жена и ее родня живут на мой счет, и жена при всем своем желании не может отказаться от моих денег – это доставляло мне удовольствие и было единственным утешением в моем горе (7: 8).

Ранее, после их ссор и “взрывов ненависти”, Наталья Гавриловна уезжала за границу или к родным; тогда Асорин посылал ей денег “понемногу, но почаще, чтобы чаще жалить самолюбие жены” (7: 8). Причиной “горя” Асорина было его одиночество: последние два года он и жена жили отдельно, в разных этажах его большого дома. Асорин чувствовал, что жена его ненавидит, но все же ему нужно было, чтобы она одобряла его действия и признала его превосходство. После его неудачного совещания с Иваном Ивановичем и женой, Асорину очень хотелось сойти вниз, к жене, и сказать ей, что она “жестока, мелочна и со своим мещанским умом никогда не возвышалась до понимания того, что я говорю и что я делаю” (7: 17).

Это патологически сильное желание доказать и заставить признать свое превосходство над женой и подчинить ее волю своей совмещается у обоих персонажей со скрытым чувством любви. Оба персонажа не раз упоминают, что они любят своих жен.

Павел Андреевич Асорин сознает, что его тяготит одиночество и угнетают его большие, пустые и неуютные комнаты верхнего этажа, где, кроме него, живет только старая гувернантка Марья Герасимовна: все, что осталось от прежней большой и шумной отцовской семьи. Асорин уверял себя, что его прежняя любовь к Наталье Гавриловне “давно уже погасла”. Но его тянуло к жене, он постоянно прислушивался к ее голосу, раздававшемуся внизу, слушал ее игру на рояле:

Когда ей подавали экипаж или верховую лошадь, я подходил к окну и ждал, когда она выйдет из дому, потом смотрел, как она садилась в коляску или на лошадь и как выезжала со двора (7: 9).

Он провожал ее глазами и ожидал ее возвращения, “чтобы опять увидеть в окно ее лицо, плечи, шубку, шляпку”. Но он не хотел высказать жене своего чувства, так как считал, что в их разрыве был виноват ее “несчастный характер”. Но “это

был единственный на всем земном шаре человек, которого я любил” (7: 24). Асорин не переставал скучать без нее: “...мне было скучно, грустно, бесконечно жаль чего-то, и хотелось в ее отсутствие пройтись по ее комнатам” (7: 9).

В то же время Павел Андреевич продолжал считать, что он всегда поступает правильно, но теперь он ощущал беспокойство и раздражение, причину которых он пока не понимал. Наблюдая, как приветливо Наталья Гавриловна улыбалась своим гостям-членам ее комитета, Асорин увидел, что она тяготилась его присутствием и это возбуждало в нем ревность, досаду и “упрямое желание причинить ей боль”. Он думал:

Жена, эти уютные комнаты, местечко около камина – мои, давно мои, но почему-то какой нибудь выживший из ума Иван Иванович или Соболев имеют на них больше прав, чем я (7: 19).

Патологическое раздвоение чувства, вызываемого в нем женою, особенно ярко проявилось в замечании Асорина, что, несмотря на ее ненависть к нему, он скучает по ней и желает причинить ей боль:

...я чувствую, что теперь, под старость, я люблю ее чище и выше, чем любил прежде, – и поэтому мне хочется подойти к ней, покрепче наступить ей каблуком на носок, причинить боль и при этом улыбнуться (7: 20).

Отобрав у Натальи Гавриловны ее комитетские бумаги, Асорин был “очень доволен собой” и тем, что организация помощи голодающим попала в его руки (7: 28). Но все же смутное беспокойство не оставляло его. Решив вернуть все бумаги жене, он услышал ее плач и неожиданно: “Вы камерюнкер? – спросил меня кто-то на ухо. – Очень приятно. Но все-таки вы гадина” (7: 30). Придя к ней, Асорин объявил, что все в порядке, все прекрасно, он очень доволен и завтра уезжает. Этот момент стал началом морального прозрения Асорина.⁶

⁶ Полоцкая (1983: 91) видит в таких произведениях как *Именины*, *Жена*, *Крыжовник*, *Человек в футляре*, *Дом с мезонином* и др. стремление Чехова “охватить всю жизнь человека, проследить поворотные моменты в развитии личности”.

Подобное же раздвоение чувства уже испытал закладчик Достоевского по отношению к своей жене Кроткой. Разъяренная свою “систему” приготовления себе верного друга из Кроткой – “она была единственным человеком, которого я готовил себе” (24: 24) – закладчик неоднократно повторял во время своей молчаливой исповеди самому себе, что он женился на Кроткой, потому что любил ее уже с самого начала их знакомства. Подготовка этого вернейшего друга заключалась, однако, в полном уничтожении воли Кроткой, полном подчинении ему и признании его исключительного благородства. При этом, он был уверен, что она тоже полюбила его. Ходя всю ночь по своим комнатам, закладчик вспоминает, как, будучи еще невестой, Кроткая “бросилась к нему с любовью”, встречала, когда он приезжал по вечерам, с восторгом рассказывала про свое детство, про отца и мать. Но закладчик “все это упоение тут же обдал сразу холодной водой” (24: 13). Ему мало было ее любви, ему нужно было “твердое счастье” с боготворившим его верным другом, которого он пытался создать своей “системой” строгости, горделивого молчания, утверждения своего морального превосходства.

Упиваясь сознанием своего могущества, закладчик не обращал внимания на то, что своей “системой” он сам убил в Кроткой желание любить его. Только однажды, наблюдая как ее кроткое лицо “становилось все дерзче и дерзче”, он подумал, что, повидимому, он “ей становился поган” (24:15). После свидания Кроткой с офицером Ефимовичем и ее попытки подойти к мужу ночью с револьвером, закладчик по существу разорвал свой брак, купив железную кровать для Кроткой и поставив ее в зале. После выздоровления Кроткой, закладчик считал, что она уже сознает, как она побеждена и сама оценит его великодушие и сама скажет ему об этом.

Закладчик откладывал разговор о будущем, чтобы подольше насладиться сознанием своей “победы”: он опять был уверен в ее любви к нему и решил, что она “подождет”. Долгой зимой он “любил глядеть на нее украдкой, когда она сидела за своим столиком, читала или шила” (24: 25), совершенно так же, как это делал чеховский Асорин. Закладчик повторяет, что “исподтишка любил смотреть на нее”, но вдруг заметил, что “ни одного-то ее взгляда за всю зиму не поймал на себе” (24: 25). Кроткая действительно совершенно исключила мужа из своей жизни, ведь уже давно каждый жил от-

дельно, хотя и в одной квартире. Она была уверена, что муж теперь навсегда “оставит ее так” как она сказала ему после его неожиданного взрыва любви, и для нее никакие близкие отношения с ним были уже невозможны. Услышав неожиданно ее тихое пение, он убедился, что Кроткая не только презирала его, но и совсем забыла о нем. Он наконец понял, что рушилась вся его порочная “система” и “пелена упала с глаз” (24: 27).

Подводя итоги сопоставления “поворотного момента” в жизни двух персонажей Чехова и Достоевского и преодоления ими их “подпольной психологии”, заметим, что прозрение закладчика вызвано его собственными наблюдениями “украдкой” за его женой и его собственной оценкой его “ошибок”. Он “вдруг”, за месяц до “поворотного пункта” в его поведении, заметил в Кроткой “странную задумчивость” и обратил внимание на “маленький сухой кашель по ночам особенно” (24: 26). Он не понимал, что это были признаки прогрессирующей болезни легких, но все же пригласил доктора Шредера. Через месяц он вдруг услышал ее тихое пение.

Единственным человеком, который был близок семье закладчика и видел, что происходило в доме, была кухарка Лукерья. Она способствовала прозрению закладчика одним своим ответом на его взволнованный вопрос: “Она поет?” Увидев, что Лукерья его не понимает, закладчик повторил: “Это она в первый раз поет? – Нет, без вас иногда поет, – ответила Лукерья” (24: 27). Невольно Лукерья подтвердила догадку закладчика, что его жена “забыла про него”, т. е. жила всю зиму одна, не связывая своей жизни с ним, давно переставшим быть ее мужем – ведь он сам “разорвал” их брак, купив ей отдельную кровать после ее свидания с Ефимовичем. Закладчик, молчавший “до самого вчерашнего дня” (24: 14), то есть, до того момента, когда он был поражен пением Кроткой, вдруг заговорил. Он пытался объяснить жене все сразу, чем и вызвал на следующий же день трагическую развязку – уход Кроткой от него в иную жизнь. Его прозрение совершилось слишком поздно.

Прозрение Асорина происходило медленнее и этому способствовали замечания о его характере друга семьи Ивана

Ивановича, объяснения с женой и, наконец, встреча с добродушным, честным и прямым доктором Соболев. Презрение Асорина к людям замѣняется сознанием, что окружающие его люди не уважают его, а жена Наталья Гавриловна презирает и ненавидит.

Несмотря на ее ненависть к нему, Асорина тянет к жене, он пытается с ней объясниться. Наконец, после тяжелой сцены его вмешательства в ее комитетские дела, ее отчаяния и длительного плача, Наталья Гавриловна отвечает на его вопрос “в чем же его вина перед нею, и что она обещает ему простить, если он исполнит ее просьбу и уедет из своего же дома?” (24: 32). Она отвечает ему, что она его любила прежде, но вскоре она увидела, что он “тяжелый человек, эгоист, ненавистник”. Решив высказать ему все, Наталья Гавриловна сказала:

... Вы прекрасно образованы и воспитаны, очень честны, справедливы, с правилами, но все это выходит у вас так, что куда бы вы ни вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнет, что-то в высшей степени оскорбительное, унижительное. У вас честный образ мыслей, и потому вы ненавидите весь мир... Вам дороги интересы народа и России, и потому вы ненавидите народ, так как в каждом подозреваете вора и грабителя... Вы превосходно знаете законы, очень честны и справедливы, а из всего этого вышло то, что за всю свою жизнь вы не сделали ни одного доброго дела, все вас ненавидят, со всеми вы в ссоре... С таким человеком, как вы, жить невозможно, нет сил. В первые годы мне с вами было страшно, а теперь мне стыдно... (7: 33-34).

Слушая жену, Павел Андреевич наконец понял, что его смутное беспокойство вызвано его отчуждением от людей и как-будто “пробудившейся совестью”, которую он ранее желал “то заглушить, то разгадать”. Он замечает:

Я не понимал, чего хочет моя совесть, и жена, как переводчик, по-женски, но ясно истолковывала мне смысл моей тревоги... (7: 34).

Он уже начинал догадываться, что его беспокоили не голодающие, а то, что он “не такой человек, как нужно” (7: 34). Прозрение Асорина завершилось под впечатлением посещения Ивана Ивановича, к которому он приехал, решив не уезжать в Петербург. За обедом Асорин встретился с доктором

Соболев и убедился, что доктор никак не подходил под отрицательную характеристику, данную ему ранее Асориным. Соболев, сразу заговоривший с Асориным, как с другом дома, упрекнул его в его жалобах начальству на крестьян, укравших у него рожь:

Извините меня, экчеленца, – продолжал он громко, приложив руку к сердцу, – но то, что вы задали нашему следователю работу, что он ваших воров день и ночь ищет, извините, это тоже мелко с вашей стороны..., понимаете ли, мелко! (7: 44-45).

За этим же обедом Иван Иванович и доктор Соболев хвалили жену Асорина: она “не хлопотала, не беспокоилась, не суетилась, а вышло так, что она теперь первая персона во всем уезде”. Все дело помощи голодающим теперь у нее в руках и вокруг нее все. Иван Иванович добавил: “У настоящих людей это как-то само собой выходит” (7: 44).

После обеда Асорин спросил Ивана Ивановича, что ему надо сделать, чтобы переменить свой тяжелый характер, как Иван Иванович ему недавно посоветовал. В ответ Асорин услышал, что Иван Иванович его любит, но не уважает:

Невозможно вас уважать, голубчик. С виду вы как будто и настоящий человек... Говорите вы высоко, и умны вы, и в чинах, рукой до вас не достанешь, но, голубчик, у вас душа не настоящая... Силы в ней нет... (7: 46).

Уезжая от Ивана Ивановича, под впечатлением этого “странного, дикого, единственного” в его жизни дня, Асорин почувствовал себя другим человеком: “Как будто тот, кем я был до сегодняшнего дня, мне уже чужд” (7: 47). Асорин так и объяснил жене свое возвращение домой:

... От прежнего самого себя я отшатнулся с ужасом, с ужасом, презираю и стыжусь его, а тот новый человек, который во мне со вчерашнего дня, не пускает меня уехать. Не гоните меня, Natalie! (7: 50).

Наряду со многими параллелизмами следует отметить и значительное различие между идейной сущностью анализируемых повестей: повесть Достоевского насыщена религиозной символикой; в повести Чехова находим идеи секулярного гуманизма.

Чехов не был верующим, хотя получил в семье религиозное воспитание. О потере веры он писал И. Л. Леонтьеву-Щеглову: “Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет”. В. Я. Лакшин замечает:

...Во всяком случае, уже расставшись с традиционной церковной верой, Чехов неизменно исходил из признания нравственного закона в душе человека, который и без бога (sic!) наложит запрет на безнравственный поступок, заставит испытать муки совести, внушит понятие вины и раскаяния (Лакшин 1990: 16).

Заметим, что Лакшин упускает из виду, что эти нравственные принципы основываются все же на религиозных заповедях.

Иван Алексеевич Бунин, который часто бывал у Чехова и наблюдал как прогрессирует его болезнь, записал в своей неоконченной книге о Чехове следующее:

Что думал он о смерти?

Много раз старательно-твердо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме – сущий вздор. Это суеверие...

Но потом несколько раз еще тверже говорил противоположное: – Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие – факт. Вот погодите, я докажу вам это (Бунин 1955: 98-99).

Достоевский, по справедливому высказыванию Н. А. Бердяева, “был христианином в глубочайшем смысле слова”:

Достоевский был глубоко христианским писателем. Я не знаю более христианского писателя. А споры о христианстве Достоевского обычно ведутся на поверхности, а не в глубине (Бердяев 1968: 61, 217).

Действительно, анализ текстов произведений Достоевского показывает как глубоко они проникнуты религиозной мыслью и религиозной символикой. Так повесть *Кроткая* вся проникнута религиозной символикой. Последний год жизни Кроткой тесно связан с иконой, доставшейся ей от покойных родителей. Образ Богородицы с младенцем в серебряной золоченой ризе – последнее, что осталось у бедной девушки как дорогое воспоминание о детстве, о родительском доме. И даже этот образ она была вынуждена принести закладчику. Образ Богоматери стоит в центре печальной повести о гибели

ли Кроткой и становится символом ее упования на защиту и всепрощение, сопровождающим ее до самой последней минуты ее короткой жизни.

Закладчик понял, что Кроткая *решилась принести* в заклад такой дорогой ей образ только в состоянии крайнего отчаяния. Этот заклад возбудил еще одну “особенную мысль” в закладчике – после многократных испытаний, которым он незаметно подвергал кроткую девушку, он решил на ней жениться. Ее образ Богоматери закладчик поставил в свой киот, под лампадкой (которую он держал для клиентов). Вместе с образом Кроткая принесла ему “в заклад” и свою жизнь. Вспоминая об этом, закладчик добавлял: “Я тогда смотрел уж на нее как на мою и не сомневался в моем могуществе” (24: 10). Он понимал, что ей уж некуда было идти (24: 14).

Вводя Кроткую, свою молодую жену, в свой дом, закладчик действовал точно по своему “плану”, надеясь на удачу своего намерения: “Я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания – и я стоил того” (24: 14). Он все ожидал, что она сама догадается о его великодушии, “оценит вдесятеро и падет в прах, сложа в мольбе руки” (24: 17). И всю зиму, после ее выздоровления, закладчик все ждал, что “она вдруг сама подойдет к тебе...” (24: 25) и это будет знаком ее окончательного “поражения” и унижения. Внезапная мысль, что в результате их отчуждения, Кроткая *забыла* про него, была для закладчика страшной: и в это мгновение “пелена упала с его глаз”.

Прозрение закладчика заняло всего несколько дней. После упоминания им о ее благородстве во время свидания с Ефимовичем, Кроткая действительно наконец сама подошла к нему, когда он уже собирался идти за заграничными паспортами для поездки в Булонь:

Но вдруг она подходит ко мне, становится сама передо мной и, сложив руки (давеча, давеча!), начала говорить мне, что она преступница, что она это знает, что преступление ее мучило всю зиму, мучает и теперь... что она слишком ценит мое великодушие... “я буду вашей верной женой, я буду вас уважать...” (24: 32).

Однако, смысл ее мольбы был не тот, о каком мечтал закладчик: *не его* она обоготворила – молиться она стала своему образу Богоматери, вынув его из киота и поставив на сто-

ле – так, как увидела это Лукерья. Кроткая обращается к образу Богоматери-Заступницы за людей, “молебницы”, прощающей их грехи, “Путеводительницы” (“Одигитрии”).

Кроткая считала себя преступницей, но она нашла в себе моральную силу противостоять страшному искушению – и не спустила курок в револьвере, который закладчик положил перед ней на стол, вернувшись с ней домой, после ее свидания с Ефимовичем. Но она взяла этот револьвер в руки и приложила его к виску спящего, как она думала, мужа. Одно только маленькое движение отделяло ее от ужасного преступления.

Помолившись перед своим образом, Кроткая уже знала, что ей надо делать – поэтому она и поцеловала вошедшую Лукерью: она прощалась с ней перед уходом – и ушла навсегда вместе с образом: прижав его к груди, она сделала роковой шаг и бросилась из окна. Она ушла под защитой Богоматери, выкупив из заклада дорогую ей икону своей жизнью.

В ночь после объяснения с Кроткой, когда “пелена вдруг упала с его глаз”, что довело ее до истерического припадка, закладчик все время приходил смотреть на нее, заснувшую наконец на ее бедной железной кровати:

Я становился на колени, но не смел целовать ее ног у спящей (без ее-то воли). Я становился молиться Богу, но вскакивал опять (24: 29).

Вспоминая о длительной болезни Кроткой, ушедшей уже от него навсегда, но все еще лежавшей тут же, на столе, закладчик вдруг опять начинает молиться:

Молился на коленях пять минут, а хотел молиться час, но все думаю, думаю, и все больные мысли, и больная голова, – чего ж тут молиться – один грех! (24: 22).

Молиться закладчик не умел, у него не было веры и крот с иконами и лампадкой в зале был только показной, для клиентов. В вариантах чернового автографа, после новой вспышки гордого самооправдания, выразившегося в новом обвинении Кроткой – “Что ж, я скажу правду, я не побоюсь стать перед правдой лицом к лицу: *Она виновата, она виновата!*...” (24: 17) – закладчик снова попытался обратиться к религии и вспомнил о церковном обычае читать псалтырь над усопшим:

Я вот что хочу: я хочу псалтырь читать. Но по-славянски не

умею и псалтыри нет! Послать в церковь; ночь. Господи, лучше не думать, лучше бы не думать (24: 353).

В пароксизме тоски и одиночества, после многочасового хождения по своим опустелым комнатам под громкий стук маятника, закладчик вдруг слышит сквозь свои отчаянные восклицания о косности природы и власти всеобъемлющей смерти чей-то голос: “Люди, любите друг друга” и вопрошает: “Кто это сказал? чей это завет?” (24: 35). Где-то в памяти этого озлобленного человека сохранились слова Евангелистов, слышанные им, вероятно, во время посещения церкви в бытность его в полку и в детстве. И он повторяет слова апостола Иоанна, запечатлевшего обращение Иисуса к ученикам во время последней вечери:

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга; По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (13: 34, 35).

Эту же заповедь, как записано у Иоанна, Иисус повторил, выйдя с учениками после вечери, где он возвестил им, что уходит от них: “Я к Отцу Моему иду” (14: 12). Он сказал им: “Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. – Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (15: 12-13). Все значение этого завета закладчик начинает, хотя еще и смутно, понимать слишком поздно. Его уже окутывает мрак небытия, ужас полного одиночества и оставленности: “Когда ее завтра унесут, что ж я буду?” (24: 35).

В повести Чехова *Жена* только один раз, в разговоре со своей женой, Натальей Гавриловной, Асорин упомянул о ее религиозности. В ответ на ее замечание, что он может сделать отличную железную дорогу или мост, но для голодающих ничего не может сделать, Асорин усмехнулся: “Да? Вы вчера попрекнули меня в равнодушии и в том, что я лишен чувства сострадания. Как вы меня хорошо знаете! Вы веруете в Бога, так вот вам Бог свидетель, что я беспокоюсь день и ночь...”. Наталья Гавриловна ответила: “Я вижу, что вы беспокоитесь, но голод и сострадание тут ни при чем. Вы беспокоитесь оттого, что голодающие обходятся без вас и что земство и вообще все помогающие не нуждаются в вашем руководительстве” (7: 26). Накануне этого решающего разго-

вора, после подробных ответов своего слуги Алексея, рассказавшего ему, что происходило вечером внизу у его жены, когда многие из ее гостей пожертвовали большую сумму для помощи голодающим крестьянам, Асорин отметил в своих воспоминаниях:

В самом деле, что я беспокоюсь? – думал я. – Какая сила тянет меня к голодающим, как бабочку на огонь? Ведь я же их не знаю, не понимаю, никогда не видал и не люблю. Откуда же это беспокойство? – Я вдруг перекрестился под одеялом (7: 22).

Перекрестился Асорин машинально, вероятно, по детской привычке, без намерения молиться – по словам его жены, он ненавидел верующих так как “вера есть выражение неразвития и невежества”. Кроме того, он тут же начал думать с возмущением о жене, которая “тайно от него устроила в его доме целый комитет” (7: 22).

Христианский завет о любви к ближнему появляется в размышлениях Павла Андреевича Асорина во время его встреч с Иваном Ивановичем Брагиным, старым другом отца Павла Андреевича. Приехав к Асорину по его приглашению и как бы шутя, Иван Иванович говорит, что у него “тоже ничего не уродило”: “Денег нет, хлеба нет, а работников полон двор, как у графа Шереметьева. Хочу по шеям разгонять, да жалко как будто” (7: 13).

Иван Иванович не хотел обсуждать предложения Асорина заняться с ним помощью голодающим – он уже был в комитете Натальи Гавриловны. Избегая дальнейшего обсуждения, Иван Иванович сказал, что надо понять состояние голодного человека, и рассказал историю, случившуюся с ним и его другом, помещиком Федором Федоровичем, также во время неурожая несколько лет тому назад. По дороге в усадьбу Федора Федоровича, три мужика напали на них в лесу. Иван Иванович и его друг задержали мужиков, связали им руки и привезли к Федору Федоровичу. Ивану Ивановичу стало их жалко:

И зло на них берет и глядеть стыдно: мужики-то знакомые и народ хороший, жалко. ...я и говорю Феде: не обижайся, отпусти ты их, подлецов! Он накормил их, дал по пуду муки и от-

пустил: ступайте к шуту! Так вот как... (7: 14).

И тут же Иван Иванович передал рассказ следователя Анисьева, разыскивающего теперь по всему уезду мужиков, укравших двадцать кулей ржи у какого-то помещика, известившего все начальство — вплоть до Петербурга — о пропаже. Этим помещиком оказался Асорин, стоящий на принципе законности (7: 14).

Когда Асорин, решив *не ехать* в Петербург, неожиданно приехал со станции к Ивану Ивановичу, тот сказал, что он очень рад его приезду — значит не сердится, и добавил: “Я обо одном только прошу Бога перед смертью: со всеми жить в мире и согласии, по правде. Да” (7: 40). Это были не только слова: все соседи любили Ивана Ивановича, дом его был полон людьми — его бывшими крепостными, которых он приютил у себя в доме и о которых заботился. Старый, добродушный вдовец Иван Иванович в своей скромной обыденной жизни действовал по завету Христа, следуя заповедям, запечатленным Иоанном (15: 12-13, а также 14: 27).⁷

Пережив тяжелый поворотный момент в их жизни, оба — закладчик и Асорин — возвращаются к исходному положению, к “отправному пункту”. В конце своего разговора с самим собою и с невидимыми слушателями и вынесения себе приговора, закладчик возвращается к тому же положению, в каком он был до знакомства с Кроткой, но теперь его отношение ко всему изменилось. Последнее, что связывало бывшего офицера с жизнью, была мечта о рае с Кроткой, которая, как он надеялся и все время ждал, сама подойдет к нему и примет его. Но усопшую скоро унесут и похоронят. Закладчик сознает, что он теперь уже находится на грани между бытием и небытием — для него уже все мертво, всюду смерть. От ужаса полного одиночества наедине с сознанием своей вины закладчик впадает в безысходное отчаяние — для него нет более будущего, и он повторяет трагическое восклицание, с которого он начал свой суд над самим собою: “...когда ее завтра

⁷ В Евангелиях Матфея, Марка и Луки также записана Вторая заповедь Иисуса: Матфей 22: 39, Марк 12: 31, Лука 10: 27.

унесут, что ж я буду?” (24: 35).

Инженер Асорин преодолел свое намерение уехать из своего имения в Петербург, намерения, которое с удовольствием поддержала его жена и все окружающие его люди. Он возвращается с железнодорожной станции домой, но он уже почувствовал себя “другим человеком” и надеется начать теперь “новую жизнь”. Он опять идет к жене и просит ее “не гнать его”, потому что он стал “новым человеком” – он готов сделаться ее слугой и отдать ей все свое состояние, чтобы помочь голодающим.

Наталья Гавриловна смирилась с возвращением ее мужа в его дом и приняла его предложение распоряжаться его состоянием по ее усмотрению. Неясно насколько действительно было ее примирение с мужем, но она возобновила общение с ним и даже допустила его в какой-то мере к своей благотворительной работе. Асорин кратко упоминает о своем посещении деревни Пестрово вместе с женой и доктором Соболев (7: 50). Главное, что было важно для Асорина – сознание, что жена и окружающие ее люди *приняли* его, по его мнению, “нового человека”. Он более не ощущает былой оставленности и отчуждения от людей, что раньше вызвало его неожиданное смутное беспокойство и тоску. Теперь он снова обратился к своей работе над “Историей железных дорог” и не обращал внимание на то, что происходит вокруг. “Ничто не беспокоит меня”, говорит он в заключение своих раздумий. Ничто более не мешает ему работать и не волнует его, даже возможное разорение из-за благотворительной деятельности жены. Асорин доволен своим спокойствием, по видимому иллюзорным, и не заботится о будущем. Последние слова в его раздумьях-воспоминаниях о поворотном моменте в его жизни: “Что будет дальше, не знаю” (7: 50).

В заключение отметим насколько парадоксален конец обоих сопоставленных произведений: у Достоевского, видевшего в браке высшее счастье человека, брак закладчика оканчивается безысходной трагедией – он всю жизнь будет мучиться вопросом “для чего она умерла?” Чехов же, долгое время избегавший брака и считавший, что брак приносит разочарование, измену и страдание, привел своего героя Павла Андреевича Асорина к примирению с женой и осознанию своей вины перед нею и другими людьми.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров Б. И.
1964 А. П. Чехов: Семинарий. Москва-Ленинград, Просвещение, 1964.
- Бекедин П. В.
1987 Повесть *Кроткая* (К истолкованию образа мертвого солнца). — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 7, Ленинград, Наука, 1987, с. 102-124.
- Бердников Г. П.
1984-86 Чехов и Достоевский (1984). — В кн.: Избранные работы в 2-х томах, Москва, Художественная литература, 1986, т. II, с. 445-497.
- Бердяев Н.
1968 Мирозерцание Достоевского (1923). Paris, YMCA-Press.
- Бунин И. А.
1955 О Чехове (Незаконченная рукопись). Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1955.
- Достоевская А. Г.
1981 Воспоминания. Москва, Художественная литература, 1981.
- Достоевский Ф. М.
1972-92 Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Ленинград, Наука 1972-1992 [Бесы, том 10 (1974); Кроткая, том 24 (1982); Письма, том 28-I (1985), 28-II (1985), 29-I (1986)].
- Ермакова М. Я.
1981 Чехов и Достоевский: Диспут идеи о человеке; Чехов и Достоевский: Легенда о Великом инквизиторе Достоевского и рассказ Чехова *Студент*. — В кн.: Проблема традиции и новаторства в русской литературе XIX-XX вв., Горький 1981, с. 47-60.
- Jakson R. L.
1981 The Temptation and the Transaction: A *Gentle Creature*.— In: The Art of Dostoevsky: Delirium and Nocturnes, Princeton University Press, 1981, pp. 237-259.
- Катаев В. Б.
1989 Литературные связи Чехова. Москва, Издательство Московского Университета, 1989.
- Knapp, Liza
1985 The force of Inertia in Dostoevsky's *Krotkaja*. — In: Dostoevsky Studies 6 (1985).
- Лакшин В. Я.
1963 Лев Толстой и А. П. Чехов, Москва, Советский писатель.

- 1990 О “символе веры” Чехова. — В кн.: Чеховиана. Статьи, публикации, эссе, Москва 1990, с. 7-19.
- Мочульский К.
1947 Достоевский. Жизнь и творчество. Париж, YMCA-Press, 1947.
- Натова Н.
1985 Мечты героев Чехова о другой жизни. — Записки Русской Академической Группы в США. *Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA*, XVIII (1985): 25-53.
- Паперный Э. С.
1976 Записные книжки Чехова. Москва, Советский писатель 1976.
- Полоцкая Э. А.
1971 Человек в художественном мире Достоевского и Чехова. — В кн.: Достоевский и русские писатели, Москва, Советский писатель, 1971, с. 184-245.
- Полоцкая Э. А.
1983 Пути чеховских героев. Москва, Просвещение, 1983.
- Туниманов В. А.
1965 Приемы повествования в *Кроткой* Ф. М. Достоевского. — Вестник Ленинградского Университета, Серия истории языка и литературы (1965) 2, выпуск 1.
- Tschebotarioff Bill, V.
1985 Chekhov and Dostoevsky. — Записки Русской Академической Группы в США. *Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the USA*, XVIII, (1985): 91-106.
- Чехов А. П.
1960-64 Собрание сочинений в 12-ти томах. Москва, Художественная литература, 1960-1964. [Жена, том 7, Письма, том 11 и 12].
- Чудаков А. П.
1986 Мир Чехова: Возникновение и утверждение. Москва, Советский писатель, 1986.